

## Чадра

Когда называешь хорошим  
кого-нибудь на земле,  
будь тысячи раз ты брошен,  
будь бешеной псины злей,  
небесного света цунами  
сквозь сотни телесных пор,  
по трещинкам, меж камнями  
прорывается под напором.

В тебе, как во всех, любовь есть,  
и сколько ни говори  
о том, что оставила совесть,—  
ты истинный спрятан внутри...

Порою отбросит зренье  
уродливую чадру,  
и свет, в темноту Вселенной  
проникнув, согреет вдрут,

позволив увидеть душу,  
понять, что её томит...

И даже когда свет потушен,  
не верь, что любовь—это миф...

## Пи

Из воды выходить  
на поверхность  
довольно зябко,  
где ветер отнимет тепло,  
что так долго копил...

Кошка,  
доселе спящая на груди,  
отселе скребётся лапкой...

В отрезок пути  
вкрадывается пи...

Как окружность  
делить на него,  
никто не припомнит,  
несмотря на учёность  
и неисчислимость книг...

Я прижимаю колени к груди,  
энергию экономя,  
а земля окружает меня,  
как вода—материк.

## Моби Дик

1.

Вода,  
накрывающая волной,  
не даёт напиться.

Слепнут глаза,  
прозревая глубинную  
мглу.

Сорвана дверь,  
расколот сосуд,  
сломана спица...

Свет нестерпим,  
играющий на полу...

Вздывается на поверхность  
засоленная махина  
древнего корабля,  
что пропитался злом...

Призрачные гребцы  
восстанут,  
одетые в чёрные схимы,  
и спустят вельботы  
на воду  
за дублон.

Мысли единой целью—  
око за око—  
живут, собираются,  
не разлетаясь на сор,  
вербуют матросов,  
стучат молотками—  
корабль в доке...

Нитями мысли выются—  
ткут полотно парусов...  
Становятся мачтами,  
палубой, килем,  
кормой Пекода.

Из закоулков души  
с идолом и гарпуном  
выходит язычник,  
ибо для небосвода  
рождённый христианин  
не отправляет  
врагов  
на дно.

Нужен безумец,  
чтобы зажечь команду  
на чуждого монстра  
охоту начать, убить  
воплощение зла и бед,  
исчадие ада...

Но кит—орудие, средство,  
возмездие, бич...

II.

Китовый фонтан на горизонте  
близко...

Склеит глаза  
предрассветной дымки  
камель...

В Нантакете камни тверды,  
лучезарны улыбки близких...  
Ни проповедь бывшего моряка  
не остановит,  
ни смерть...

Трое суток погони,  
как муки распятья...  
Под свист заряжённой команды  
разворачиваться—  
позор.

Мир станет чист,  
как только  
левиафан—заплатит...

Мысли стучат,  
убеждают,  
плетут узор.

Молниеносен рывок  
мускулистой  
туши,  
к которой  
примотан линем  
отменный гребец,  
взглядом Медузы  
пронзающий:  
лучше  
остановись,  
остынь,  
прости,  
наконец.

Иона, Иона,  
остерегавший в порту  
полоумный,  
помолись за меня,  
коль оказался  
врачом...

Поздно мне отступить,  
не отпустят  
неводы-думы...  
Хвостом перерублено судно,  
и я обречён.

Рассвет  
суров и прекрасен,  
будто постиран...  
Погрузились обратно призраки,  
затаились  
меж донных камней.

Должно кита отпустить,  
и гроб унесёт  
язычника  
мёртвым для мира  
и принесёт  
спасение,  
может быть,  
мне.

### Акустика

Нырять под воду кит,  
мир кренится...  
пойманный якорьком...  
теряюсь...  
но сквозь вековечный пласт  
наносится йодная сеточка  
на душу чьей-то рукой...  
Иона молится  
и за нас...

Чёрствым горохом слова  
из засушенного стручка...  
Они обладают свойством частицы,  
но не волнъ,  
словно неандертальцы,  
недоразвитые пока,—  
покоряют стены  
только посредством  
войны...

Не пропороть потолка,  
крыши и облаков,  
материи не прорвать  
словами мёртвого живота,  
как бы заточены ни были  
кончики их штыков...  
Божьего хлеба ком...  
и немота...  
немота...

В безвремяе вводит не магия—  
вера, храня...

Словом проникни туда,  
откуда не выходил,  
молитвою непрестанной  
настрой всех грешников  
за меня...

Прости, моё слово—  
одна из попавшихся  
в сеть сардин...

Правый глаз косит в сторону,  
правда, не вру,  
но правое, как и левое,—  
нехорошо,  
ибо награда похитит рай,  
будь ей хоть слово,  
хоть рубль...

Сетями акустики ловят молитвы  
от адского пламени  
за вершок...

## Завет радуги

Позволь обрести Тебя, Господи, и успеть  
испросить прощения, пусть и в последний миг...  
Не узнал лица Твоего в многоликой толпе,  
в тысячах копий, вылепленных людьми...

Я—испугавшийся боя воин добра  
армии терракотовой, здесь захороненной гнить  
вместе с владыкой противного мне двора,  
чужой религии, чужой войны...

Восставшие ангелы—дождь, низвергнутый в океан...  
Бог, подними волну, выброси ей на брег...

Мне не найти истины, выберу истукана,  
что обратит в добродетель тягчайший грех.  
Тщетно старался, как мог, проповедовал свет,  
но без Тебя он не полон, не радужен и раним...

Солнцем в капле росы исполняешь завет,  
цветами от «каждого» до «фазана»,  
сплетёнными в нимб...

Я далеко за ним...